

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мое детство пришлось на 1970-е и 1980-е годы, мы жили в Бельгии, где мой отец Энтони работал юристом в европейской штаб-квартире фирмы «Проктор энд Гэмбл». В те годы мы постоянно переезжали из дома в дом в предместьях Брюсселя, но одно было неизменно: где бы мы ни поселились, всегда на каминной полке или на подоконнике размещалась коллекция фамильных реликвий.

Среди них были фотография моего отца в форме шотландского гвардейца, еще одна фотография — его с моей матерью Элизабет в день их свадьбы в 1953 году, фотография моего деда с отцовской стороны Лайонела и его жены Миртл, уроженцев Австралии. И тут же, по не совсем понятной причине, присутствовал — в кожаной рамке — портрет короля Георга VI, отца нынешней королевы, подписанный и датированный 12 мая 1937 года, днем коронации. Была еще его фотография с женой Елизаветой, больше известной моему поколению как королева-мать, и с двумя дочерьми — будущей королевой Елизаветой, тогда еще одиннадцатилетней девочкой, и ее младшей сестрой Маргарет Роз. И была третья фотография королевской четы, датированная 1928 годом, на которой они еще герцог и герцогиня Йоркские, подписанная: «Элизабет и Альберт».

Мне, должно быть, рассказывали историю этих фотографий, но мальчишкой я не придавал этому значения. Я понимал, что связь с королевской семьей возникла через Лайонела, но он был для меня персонажем из древней истории — он умер в 1953 году, за двенадцать лет до моего рождения. Все, что я знал про деда, — это что он был «королевским логопедом». И что бы оно ни означало, мне этого было довольно. Никаких вопросов я не задавал и никаких более подробных сведений

мне не сообщали. Гораздо больше меня интересовали разные медали и значки, разложенные рядом с фотографиями. Я особенно любил, надев офицерский ремень и фуражку отца и гордо нацепив на грудь медали, играть в войну.

Но когда я повзрослел и у меня самого появились дети, я стал задумываться, кто были мои предки и откуда они. Всеобщий всплеск интереса к генеалогии еще более подхлестнул мое любопытство. Исследуя фамильное древо, я обнаружил прабабку из Мельбурна, имевшую четырнадцать детей, из которых семеро умерли в младенчестве. Я также узнал, что прапрадед в 1850 году отбыл из Ирландии в Австралию на пароходе «Бойн».

Мне было известно лишь то, что мой дед — один из членов большой, разветвленной семьи, члены которой жили в Австралии, Ирландии и Британии. Так продолжалось до 2001 года, когда после смерти отца на мою долю выпало разбирать личные бумаги, которые он хранил в высоком сером картотечном шкафу. Там, среди завещаний, актов и других важных документов, хранились сотни старых писем и фотографий, собранных моим дедом, — все они были аккуратно разложены в хронологическом порядке в прозрачные папки для документов.

Только в июле 2009 года, когда ко мне обратился Айен Каннинг, продюсер фильма «Король говорит!» о Лайонеле, я начал понимать, какую важную роль сыграл в этой истории мой дед: как он помогал тогда еще герцогу Йоркскому (ставшему в декабре 1936 года, вопреки своему желанию, королем после отречения старшего брата Эдуарда VIII) в его продолжавшейся всю жизнь борьбе с хроническим заиканием, превращавшим любую публичную речь и любое выступление по радио в тяжкое испытание. Я начал сознавать, что его жизнь и работа представляют интерес не только для нашей семьи.

В апреле того года Лайонел уже стал героем радиоспектакля с тем же названием «Король говорит!», который поставил на Би-би-си Марк Берджесс. Фильм, однако, был явлением более крупным — полнометражный, с первоклассным исполнительским составом: Хелен Бонэм Картер, Колин Ферг, Джеффри Раш, Майкл Гэмбон и Дерек Джакоби. Режиссировал Том Хупер, известный фильмом «Чертов „Юнайтед“», который посвящен краткому и бурному пребыванию футбольно-

го менеджера Брайана Клафа на посту руководителя «Лидс Юнайтед» в 1974 году.

Каннинг и Хупер, конечно, хотели, чтобы фильм был исторически максимально точен, поэтому я постарался узнать все, что только можно, про своего деда. Разумеется, я начал с отцовского картотечного шкафа. Впервые подробно и тщательно просматривая бумаги Лайонела, я нашел живо написанные дневники, в которых он в мельчайших деталях рассказывал о своих встречах с королем. Там же была обширная переписка, часто теплая и дружеская, с самим Георгом VI и различные другие записи, включая тонкую «карточку пациента», испи-санную паутинно-тонким почерком деда, где он описывает пер-вую встречу с будущим королем в своей маленькой приемной на Харли-стрит 19 октября 1926 года.

Вместе с другими разрозненными сведениями, которые уда-лось собрать в Интернете, и несколькими страницами упоми-наний о Лайонеле, внесенными в большинство биографий Ге-орга VI, эти бумаги помогли мне больше узнать о необычных отношениях моего деда с королем, а также внести поправки в некоторые не вполне достоверные воспоминания или неточ-ные рассказы, которые утратили четкость при передаче от по-коления к поколению.

Вскоре, однако, обнаружилось, что архив неполон. Отсут-ствовало несколько писем и дневниковых записей, которые цитировались в авторизованной биографии Георга VI, опубли-кованной Уилер-Беннеттом в 1958 году. Нигде было не найти и альбомов с газетными вырезками, которые, как я знал от двоюродных сестер и брата, Лайонел собирал почти всю свою взрослую жизнь.

Но более всего, пожалуй, меня огорчило отсутствие пись-ма, написанного королем в декабре 1944 года и особенно за-нимавшего мое воображение. О его существовании говорит-ся в дневнике Лайонела, где он передает их разговор после того, как монарх впервые выступил с ежегодным рождест-венским обращением к нации без присутствия при нем моего деда.

— Моя работа окончена, сэр, — сказал ему Лайонел.

— Все нет, — ответил король. — Главное — это предва-рительная работа, а здесь вы незаменимы.

Затем, вспоминает Лайонел, «он поблагодарил меня и через два дня написал мне замечательное письмо, которым, я надеюсь, будут дорожить мои потомки».

Будь у меня это письмо, я бы им дорожил, но его не удалось найти в массе корреспонденции, газетных вырезок и дневниковых записей. Это отсутствующее письмо побудило меня, не щадя усилий, используя любые доступные способы, пуститься на поиски, собирая все возможные подробности о жизни моего деда. Я не давал покоя родственникам, вновь и вновь возвращаясь поговорить с ними. Я писал в Букингемский дворец, в Королевский архив в Виндзорском замке, авторам и издателям книг о Георге VI в надежде, что письмо может оказаться среди материалов, которые они позаимствовали у моего отца или его двух старших братьев и забыли вернуть. Но следов письма не было нигде.

В конце 2009 года меня пригласили на съемочную площадку фильма «Король говорит!» во время съемок в Портленд-Плейс в Лондоне. Во время перерыва я познакомился с Джеффри Рашем, игравшим моего деда, и Беном Уимсеттом, который играл моего отца в десятилетнем возрасте. Когда я преодолел странное чувство, увидев ребенком того, кого знал только взрослым мужчиной, меня совершенно очаровала сцена, где герой Раша наклоняется над моим отцом и его старшим братом Валентином, которого играл Доминик Эплуайт, когда их заставляют декламировать Шекспира. Это напомнило мне подлинный эпизод из моего детства — отец заставлял меня делать то же самое.

У отца была страсть — и способности — к поэзии. Он часто декламировал наизусть целые стихотворные пассажи, запомненные с детства. Он, бывало, упивался своей способностью декламировать километрами стихи Хилэри Беллока для развлечения гостей, но самой благодарной его слушательницей была моя старшая сестра Сара: порой во время чтения она даже плакала.

Не припомню, чтобы в то время меня впечатлял отцовский талант, но теперь, оглядываясь назад, я могу оценить и его упорные старания, и то, как, должно быть, огорчало его мое нежелание разделить с ним любовь к поэзии, привитую ему отцом.

Съемки фильма закончились в январе 2010 года, и это стало началом моей одиссеи в поисках открытий. Каннинг и Хупер ставили перед собой задачу снять не документальный, а, скорее, биографический фильм, который, хотя и близок по духу к образу моего деда, ограничен узкими временными рамками: от первой встречи деда с будущим королем до начала войны в 1939 году.

Вдохновленный фильмом, я захотел полностью рассказать историю жизни деда — от детства в Аделаиде, в Южной Австралии, 1880-х годов до самой смерти. И так я начал обширное и подробное исследование его личности и того, чем он занимался всю жизнь. Во многих отношениях задача оказалась невыполнимой, потому что, несмотря на профессиональный статус Лайонела, о методах, использованных им в работе с королем, известно очень мало. Хотя он и написал несколько популярных статей о лечении заикания и других речевых дефектов, он никогда не представлял свои методы официальным образом и не имел ни учеников, ни помощников, с кем мог бы поделиться секретами своей работы. И вероятно, по причине той сдержанности, которую он всегда проявлял по поводу своих отношений с королем, он не описал самого знаменитого случая в своей практике.

А затем, в июле 2010 года, когда издатели торопили меня со сдачей рукописи, мое упорство наконец принесло плоды. Услышав о моих поисках, моя двоюродная сестра Алекс Маршалл позвонила мне и сказала, что нашла несколько коробок с документами, касающимися деда. Она сильно сомневалась в их важности, но я напросился к ней в Рютленд — посмотреть. Еще с порога я заметил, что меня ожидает целая гора документов: на обеденном столе стояли две полные коробки, содержащие переписку между королем и Лайонелом в период с 1926 по 1952 год, и еще две коробки с рукописями и вырезками из газет, которые Лайонел аккуратно вклеивал в два больших альбома — зеленый и синий.

К моему полному восторгу, у Алекс нашлись также недостающие части архива вместе с тремя пачками писем и частью дневника, который моя бабушка Миртл вела, когда в 1910 году они с дедом совершали кругосветное путешествие, а также в первые несколько месяцев Второй мировой войны. Написан-

ные в более личной манере, чем дневники деда, они давали гораздо более живую и детальную картину их совместной жизни. Документы, насчитывающие сотни страниц, были настоящей сокровищницей, и я целыми днями перебирал и расшифровывал их. Одно только огорчало меня: письма, которое я так стремился найти, среди них не было.

Эти материалы и составили основу настоящей книги, написать которую мне помог Питер Конради, журналист и литератор, сотрудник «Санди таймс». Я надеюсь, что, читая ее, вы тоже почувствуете интерес к личности моего деда и к его необычным и очень тесным отношениям с королем Георгом VI.

Хотя я постарался всесторонне исследовать жизнь моего деда, быть может, от меня ускользнули какие-нибудь сведения о нем. Если вы состоите в родстве с Лайонелом Логом, были его пациентом или коллегой или располагаете какой-либо информацией о нем и его работе, свяжитесь со мной, пожалуйста. Мой адрес — lionellogue@gmail.com.

Марк Лог

Лондон, август 2010

КОРОЛЬ ГОВОРИТ!

Глава первая

БОЖЕ, ХРАНИ КОРОЛЯ

Альберт Фредерик Артур Георг, король Соединенного Королевства и британских доминионов, последний император Индии, вздрогнув, проснулся. Было начало четвертого ночи. Спальня в Букингемском дворце, которую он занимал с тех пор, как пять месяцев тому назад стал монархом, обычно оставалась уголком тишины и покоя в самом сердце Лондона, но в то утро сон его был грубо прерван треском громкоговорителей: их опробовали за стенами дворца, на Конститушенел-Хилл. «Можно было подумать, один из них прямо в комнате»¹, — записал он в своем дневнике. Затем, когда ему уже казалось, что он все-таки сумеет опять заснуть, в дело вступили военные оркестры и войска.

Было 12 мая 1937 года, и сорокаоднолетнему королю предстоял один из величайших в его жизни дней, мучительно трудный, — день коронации. Традиционно эта церемония совершалась через полтора года после занятия монархом престола, оставляя время не только на все приготовления, но и на то, чтобы соблюсти достойную продолжительность траура по предшественнику. Эта коронация стала необычной: короновать в тот день должны были старшего брата Альберта, ставшего королем после смерти их отца Георга V в январе 1936 года. Однако Эдуард VIII оставался на троне менее года — он оказался во власти чар Уоллис Симпсон, дважды разведенной американки; и, когда он отрекся от престола в декабре 1936-го, его место без особого желания занял его младший брат Альберт,

герцог Йоркский. Альберт принял имя Георг — и как дань памяти покойному отцу, и в знак преемственности своего правления после всех неурядиц минувшего года, которые погрузили британскую монархию в один из величайших кризисов в ее истории.

Примерно в это же время, но в гораздо менее величественной спальне в Сайденхем-Хилле, в юго-восточном пригороде Лондона, просыпался человек лет пятидесяти с небольшим, привлекательной наружности, голубоглазый, с густой копной каштановых волос. Звали его Лайонел Лог, был он уроженцем Австралии, сыном владельца паба и с первой своей встречи с будущим монархом, лет десять тому назад, занимал весьма своеобразное, но при этом все более влиятельное положение в узком кругу королевской семьи.

Во избежание неприятных неожиданностей Лог (который неохотно садился за руль) на этот раз оставил шофера ночевать у себя в доме. Вместе со своей очаровательной женой Миртл, которой предстояло сопровождать его, он начал готовиться к поездке в город. Миртл, надевшая драгоценностей на пять тысяч фунтов, выглядела ослепительно. Парикмахеру, которого они согласились подхватить по пути, предстояло добавить завершающий штрих. Лог, в полном придворном облачении, несколько стеснялся своих обтянутых шелковыми чулками ног и старался не споткнуться о шпагу.

По мере того как время шло и улицы Лондона заполнялись толпами зрителей (многие из которых провели ночь под открытым небом на походных койках), у обоих мужчин возрастало чувство тревоги. У короля «сердце уходило в пятки», и он не мог заставить себя съесть хоть что-то за завтраком. «Я знал, что мне предстоит прожить труднейший день и пройти через важнейший ритуал в моей жизни, — записал он в дневнике в тот вечер. — Часы ожидания перед выездом в Вестминстерское аббатство были самыми невыносимыми»².

Насчитывающий почти тысячелетнюю историю ритуал коронации британского монарха — торжественная церемония, не имеющая себе подобных нигде в мире. Кульминация ее — обряд помазания, когда архиепископ Кентерберийский наносит священный елей на руки, грудь и голову монарха, сидящего под балдахином в средневековом кресле короля Эдуарда. Благовонная смесь из апельсинового цвета, роз, корицы, мускуса и амбры наносится из филигранной ложки, наполняемой из сосуда в форме орла. Этим обрядом монарх, торжественно поклявшийся служить своему народу, посвящается пред Богом на высокое служение. Для такого глубоко религиозного человека, как король Георг VI, трудно переоценить значительность этого подтверждения своей веры — веры в то, что лишь от Всевышнего ждет он помощи в обретении стойкости духа, силы и власти, дабы нести благо своим подданным.

Быть главным участником такой церемонии — все время удерживая на голове корону весом семь фунтов* — стало бы тяжким испытанием для кого угодно, но у короля была особая причина с трепетом ожидать того, что ему предстоит: с детства одолеваемый множественным телесных недугов, он еще и страдал мучительным заиканием. Достаточно тягостное в небольшом обществе, оно превращало любое публичное выступление в настоящую муку. Король, как писал американский журнал «Тайм», был «самым знаменитым заикой» в современном мире³, пополнив список выдающихся имен, уходящий в глубь веков и включающий в себя Эзопа, Аристотеля, Демосфена, Вергилия, Эразма Роттердамского и Дарвина. Что еще хуже, в недели, предшествовавшие коронации, король был вынужден терпеть закулисную кампанию сплетен по поводу состояния его здоровья, которую развязали сторонники его недовольного брата, жившего теперь в добровольном изгнании во Франции.

* 3 кг 175 г. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Ходили слухи, будто бы новый король настолько физически слаб, что едва ли будет в состоянии вынести церемонию коронации, не говоря уже о том, чтобы исполнять обязанности монарха. Масла в огонь подлило решение короля не устраивать в Дели торжественного приема в честь Дня восшествия на престол, который его предшественник уже дал согласие провести зимой 1937/38 года.

Приглашенные должны были собраться в Вестминстерском аббатстве примерно к семи часам утра. По пути их приветствовали толпы народа. Специальный поезд подземки от Кенсингтон-Хай-стрит до Вестминстера был предоставлен членам палаты общин, а также пэрам и их супругам, ехавшим в парадных мантиях и коронах.

Лог с женой отправились из дома в 6.40, проехали по пустынным улицам на север через Денмарк-Хилл и Камберуэл-Грин, затем на запад в сторону только что перестроенного Челсийского моста, который всего неделю назад торжественно открыл Уильям Лайон Макензи Кинг, канадский премьер-министр, приехавший в город на коронацию. Полицейские, замечая на ветровом стекле их машины зеленую букву «П»*, один за другим пропускали их взмахом руки, пока перед самой Галереей Тейта они не оказались в скоплении машин, единым потоком направлявшихся со всех концов Лондона к аббатству. Они вышли из машины у крытого прохода напротив статуи Ричарда Львиное Сердце на площади Парламента и к 7.30 протиснулись на свои места.

Король и королева ехали в аббатство в золотой государственной карете — великолепном закрытом экипаже, запряженном восьмеркой лошадей, которым впервые воспользовался король Георг III при открытии парламента в 1762 году. Для нынешнего короля присутствие его супруги, королевы Елизаветы, было неоценимой поддерж-

* «П» — разрешение парковки.

кой. Все четырнадцать лет брака она оказывала на него безмерно успокоительное влияние; всякий раз, как он запинался в середине разговора, она ласково сжимала его руку, побуждая не останавливаться, — обычно успешно.

В королевской ложе сидела мать короля, королева Мария, с его двумя маленькими дочерьми. Младшая, шестилетняя Маргарет Роз, даже в лучшие времена озорная и непослушная, сейчас скучала и вертелась на месте. Во время нескончаемой службы она тыкала себя пальцем в глаз, тянула за уши, болтала ногами, укладывалась головой на локоть и щекотала свою гораздо более серьезную старшую сестру Елизавету, только недавно отпраздновавшую одиннадцатилетие. Как это часто бывало, старшая из сестер пыталась убедить младшую вести себя хорошо. Королева Мария наконец сумела унять Маргарет Роз, дав ей театральный бинокль.

Успокоение и ободрение иного рода шло от Лайонела Лога, чье присутствие на одном из мест, дающих возможность наилучшим образом наблюдать церемонию, указывало, насколько он важен для короля. Этот, как сам он себя называл, «простой человек из колоний», так и не избавившийся — несмотря на избранную им профессию, связанную с техникой речи, — от своего австралийского акцента, казался странно неуместным среди представителей высших кругов британской аристократии, занимавших почетные места в аббатстве.

Однако трудно переоценить вклад в знаменательные события этого дня, сделанный человеком, которого газетчики прозвали «королевским логопедом». Статус Лога был так значителен, что его только что произвели в кавалеры ордена Королевы Виктории, а эта награда может быть дарована лишь сувереном. Газеты поместили новость на первых полосах; его имя, как объявила «Дейли экспресс», «было одним из самых интригующих в списке коронационных награждений». Лог с гордостью надел медаль, отправляясь в аббатство.

За одиннадцать лет, прошедших с его приезда морем из Австралии, Лог, начав с маленькой приемной на Харли-стрит, в самом сердце британского медицинского сообщества, сделался одной из наиболее заметных фигур в стремительно развивающейся области логопедии. На протяжении многих лет он помогал тогда еще герцогу Йоркскому справиться с дефектом речи.

В последний месяц они готовились к знаменательному дню, вновь и вновь репетируя освященные временем ответы, которые король должен будет произносить в аббатстве. За годы совместной работы — будь то в маленьком кабинете Лога или в Сандрингеме, Виндзоре, Букингемском дворце — они выработали собственную систему. Сначала Лог изучал текст, отмечая слова, на которых король может споткнуться, к примеру те, что начинаются на сложные для него звуки «к» и «г», или слова с повторяющимися согласными, и по возможности заменял их. Затем Лог отмечал в тексте места, где предлагал переводить дыхание, а потом король начинал раз за разом практиковаться, пока не добивался успеха, хотя на пути к нему совершенно выбивался из сил и падал духом.

Но в обращении со словами коронационной службы о какой-либо вольности не могло быть и речи. Это было настоящее испытание — и оно вот-вот должно было начаться.

Многочисленных принцев и принцесс — английских и иностранных — начали сопровождать к их местам в 10.15. Потом под торжественную музыку коронационного марша вошла мать короля, за которой следовали представительства различных государств, а затем королева, чей великолепный шлейф несли шесть фрейлин.

«Зазвучали фанфары, и вот уже приближается королевская процессия в сиянии золота и пурпура, — записывает Лог в дневнике, который он вел на протяжении большей части своей жизни в Британии. — В конце ее

идет человек, которому я десять лет служил всем сердцем и душой. Он медленно приближается. Он несколько бледен, но с головы до ног он — Монарх. Сердце начинает колотиться, когда я осознаю, что человек, которому я служил, сейчас станет королем Англии».

Пока Козмо Лэнг, архиепископ Кентерберийский, вел коронационную службу, никто из присутствующих в аббатстве, должно быть, не слушал его с более напряженным вниманием, чем Лог, хотя его мучила зубная боль. Поначалу ему казалось, что король нервничает, и сердце его замерло, когда тот начал произносить слова клятвы, но в целом король говорил хорошо. Когда все закончилось, Лог ликовал. «Король прекрасно интонировал речь», — сказал он одному журналисту.

По правде говоря, при всех тех досадных случайностях, с которыми пришлось совладать королю, просто чудо, что он смог произнести свои слова так ясно и отчетливо: держа перед его глазами книгу с текстом службы, архиепископ нечаянно закрыл большим пальцем слова клятвы. И эта неприятность была далеко не единственной: когда лорд обер-гофмейстер стал облачать короля в мантию, у него так тряслись руки, что он чуть не сунул королю под подбородок эфес меча, который следовало пристегнуть к поясу. А когда король поднимался с коронационного трона, один из епископов наступил на край его мантии, отчего король едва не упал и довольно резко приказал епископу отойти в сторону.

Подобные неприятности неизбежно сопутствовали любой британской коронации. Более всего король опасался, как бы Лэнг не надел на него корону задом наперед, как это уже случалось в прошлом, и поэтому распорядился, чтобы под один из крупных драгоценных камней в передней части короны подсунули короткую красную ниточку. Очевидно, кто-то не в меру усердный выдернул ее, и король так и не был до конца уверен, правильно ли надета корона. Коронации некоторых предшествовавших монар-

хов граничили с фарсом: коронацию Георга III в 1761 году остановили на три часа, после того как куда-то исчез парадный меч, а коронация его сына и наследника, Георга IV, была омрачена скандалом с покинутой и ненавистной ему женой Каролиной Брунсвикской, которую только силой удалось не пустить в аббатство.

Все мелкие неурядицы остались не замечены присутствующими, не говоря о тысячных толпах, которые все еще стояли вдоль лондонских улиц, несмотря на портящуюся погоду. По окончании службы король и королева поехали в золотой карете дальней дорогой в Букингемский дворец. К этому времени дождь уже лил вовсю, но это, казалось, не смущало толпу, которая радостно приветствовала их. Лог и Миртл воспользовались передышкой, чтобы подкрепиться взятыми с собой сэндвичами и шоколадом; в 15.30 усиленный радиорепродукторами голос объявил: «Публика из сектора J может пройти к машинам». Они спустились к выходу, еще через полчаса была вызвана их машина, и они в изнеможении повалились на сиденья. Лог при этом чуть не упал, зацепившись за свою шпагу. Они проехали по Вестминстерскому мосту, миновали опустевшие трибуны и к 16.30 были дома. Мучась теперь уже не только зубной, но и головной болью, Лог пошел вздремнуть.

При всей важности коронации она была лишь частью того, что предстояло осилить в этот день королю. В восемь вечера его ожидало еще более серьезное испытание: радиообращение в прямом эфире к народу Соединенного Королевства и всей обширной Империи. И Логу снова надлежало быть рядом с королем. Речь должна была длиться несколько минут, но от этого она страшила их ничуть не меньше. С годами у короля развился особый страх перед микрофоном, отчего обращение по радио казалось ему даже более тяжким испытанием, чем выступление перед живой аудиторией. Не облегчал его за-

дачи и сэр Джон Рит, генеральный директор Би-би-си, созданной королевским указом десять лет тому назад: он настаивал на выступлении в прямом эфире.

В течение нескольких недель перед выступлением Лог работал с королем над текстом. После репетиций на чтение текста вразбивку оба, казалось, чувствовали себя вполне уверенно, но все же рисковать не хотели. За последние несколько дней Роберт Вуд, один из опытнейших звукооператоров Би-би-си, большой специалист в быстроразвивающемся искусстве внестудийной трансляции, сделал записи их многообразных упражнений на грамофонных пластинках, включая особую пластинку, на которой были собраны в единое целое самые удачные фрагменты. И все же Логу было не по себе, когда машина везла его к семи часам вечера во дворец.

По приезде он выпил виски с содовой в обществе Александра Хардинжа, королевского личного секретаря, и Рита. Пока они пили, из верхних покоев прислали сказать, что король готов встретиться с Логом. На взгляд австралийца, монарх казался вполне бодрым вопреки тревожным ожиданиям этого беспокойного дня. Они еще раз прошлись по тексту речи перед микрофоном, а потом вернулись в его комнату, где к ним присоединилась королева. Вид у нее был усталый, но счастливый.

Лог чувствовал, однако, что король нервничает, и, чтобы отвлечь его мысли от предстоящего испытания, поддерживал разговор о событиях этого дня до той минуты, когда в самом начале восьмого из репродукторов слышались первые звуки национального гимна.

— Удачи тебе, Берти, — сказала королева, когда ее муж пошел к микрофону.

— С переполненным сердцем я обращаюсь сегодня к вам, — начал король, и Би-би-си донесла эти слова до его подданных не только в Британии, но и во всей обширной Империи, включая и родину Лога. — Никогда прежде новокоронованный король не мог обратиться ко

всем своим народам в их собственных домах в самый день коронации...

Пот ручейками стекал по спине Лога.

— Королева и я желаем здоровья и счастья всем вам и не забываем в эти праздничные часы о тех, кто живет в мрачной тени болезни, — продолжал король.

«Прекрасно», — оценил про себя Лог.

— Я не нахожу слов, чтобы выразить благодарность за вашу любовь и вашу преданность королеве и мне... Скажу только: всем способам выразить свою благодарность я предпочту верное служение вам в грядущие годы... Королева и я навсегда сохраним в наших сердцах воодушевление, испытанное в этот день. И да окажемся мы достойны того доброжелательства, которое я с гордостью ощущаю вокруг с самого начала своего правления. Благодарю вас от всего сердца, и да благословит вас Бог.

К моменту окончания речи Лог был так взволнован, что не в силах оказался говорить. Король вручил Вуду памятную коронационную медаль, а вскоре к ним присоединилась королева.

— Ты говорил замечательно, Берти, — сказала она. — Гораздо лучше, чем на пластинке.

Король простился с Вудом, потом, повернувшись к Логу, пожал ему руку и сказал:

— Спокойной ночи, Лог. Большое вам спасибо.

Так же поступила и королева. Ее голубые глаза сияли. Глубоко взволнованный, Лог ответил:

— Самое замечательное событие в моей жизни, ваше величество, — это представившаяся мне возможность оказаться вам полезным.

— Спокойной ночи. Спасибо, — повторила она и тихо добавила: — Да благословит вас Бог.

Слезы навернулись ему на глаза, и он чувствовал себя последним дураком, спускаясь по лестнице в комнату Хардинжа, где выпил еще виски с содовой, о чем тут же и пожалел. Глупо было делать это на пустой желудок,

размышлял он чуть позже, замечая, что мир начинает вращаться, а язык — заплетаться. Тем не менее он сел вместе с Хардинжем в машину, высадил того у Сент-Джеймса, а потом свернул на юго-запад, к дому.

Почти весь следующий день Лог провел в постели, не отвечая на настойчивые телефонные звонки друзей, желавших его поздравить. Газетные отклики на королевскую речь были в подавляющем большинстве благоприятными. «Голос короля был вчера сильным и звучным, поразительно напоминая голос его отца, — сообщала газета „Стар“. — Слова звучали уверенно, ясно и без малейших запинок». Лучшей похвалы оба они не могли и желать.

Глава вторая

«ПРОСТОЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ КОЛОНИЙ»

Аделаида в 1880-х годах была городом, исполненным патриотической гордости. Названная в честь королевы Аделаиды, родившейся в Германии, супруги короля Вильгельма IV, она была основана как предполагаемая столица Британской провинции свободных колонистов в Австралии. Город застраивался по сетчатому принципу, в нем были запланированы широкие бульвары и большие общественные скверы; его окружали парковые территории. Ко времени своего пятидесятилетия он сделался удобным для проживания: с 1860 года сюда подавалась по трубам вода из водохранилища Торндонского парка; конки и железнодорожные пути облегчали передвижение; ночью улицы освещались газовыми фонарями. В 1864 году в Аделаиде появился университет, а семью годами позже впервые распахнулись двери Южно-Австралийской художественной галереи.

Здесь, вблизи Колледж-Тауна, на окраине города, 26 февраля 1880 года родился Лайонел Джордж Лог, старший из четырех детей. Его дед Эдуард Лог, уроженец Дублина, приехал сюда в 1850 году и открыл на улице Короля Вильгельма Пивоваренный завод Лога. В городе в то время были десятки пивоварен, но у Эдуарда Лога дела пошли особенно хорошо. Газета «Аделаида обсервер» приписывала этот успех хорошему качеству воды и «особому мастерству» владельца, которому удавалось производить «такой отличный эль, что он мог успешно конкурировать со всеми прочими изгото-

лями этого золотистого напитка, утешителя в людских печалях».

Лог никогда не видел своего деда. Эдуард умер в 1868 году, и завод перешел к его вдове Саре и ее деловому партнеру Эдвину Смиту, который позже выкупил ее долю. В конце концов, после нескольких слияний, первоначальное предприятие стало частью Южно-Австралийской пивоваренной компании.

Отец Лога, Джордж, родившийся в 1856 году в Аделаиде, получил образование в колледже Святого Петра и по окончании учебы стал работать на пивоваренном заводе, где дослужился до старшего бухгалтера. Позднее он получил лицензию на торговлю спиртными напитками в отеле «Бэрнсайд», которым управлял вместе со своей женой Лавинией, а затем приобрел отель «Слон и замок», который по сей день стоит на Вест-Террасе. Свое детство Лог вспоминает с большой теплотой. «Я рос в удивительно счастливом доме — мы были очень дружной семьей».

Лог учился в одной из старейших мужских школ Аделаиды — в колледже Принца Альфреда, который был главным соперником колледжа Святого Петра. Школа славилась как учебными, так и спортивными достижениями (особенно в крикете и австралийском футболе). Однако Лог, по собственному его признанию, старательно искал дисциплину, в которой мог особенно отличиться. Озарение пришло неожиданно. Как-то раз, оставленный после уроков, он наугад открыл какую-то книгу: это оказалась «Песнь о Гайавате» Лонгфелло. В глаза ему бросились слова:

И рассказчик сказок Ягу,
Говорун, хвостун великий,
Много по свету бродивший,
Верный друг Нокомис старой,
Сделал лук для Гайаваты*.

* Перевод И. А. Бунина.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

КОРОЛЬ ГОВОРИТ!

Глава первая. БОЖЕ, ХРАНИ КОРОЛЯ	13
Глава вторая. «ПРОСТОЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ КОЛОНИЙ»	24
Глава третья. ПЕРЕЕЗД В АНГЛИЮ	45
Глава четвертая. БОЛЕЗНИ РОСТА	57
Глава пятая. ДИАГНОЗ	78
Глава шестая. ПРИДВОРНОЕ ПЛАТЬЕ С ПЕРЬЯМИ	92
Глава седьмая. ЗАТИШЬЕ ПЕРЕД БУРЕЙ	104
Глава восьмая. 327 ДНЕЙ ЭДУАРДА VIII	118
Глава девятая. ТЕНЬ КОРОНАЦИИ	134
Глава десятая. ПОСЛЕ КОРОНАЦИИ	141
Глава одиннадцатая. ПУТЬ К ВОЙНЕ	157
Глава двенадцатая. УБИТЬ АВСТРИЙСКОГО МАЛЯРА	169
Глава тринадцатая. ДЮНКЕРК И МРАЧНЫЕ ДНИ	183
Глава четырнадцатая. ПОВОРОТ В ВОЙНЕ	199
Глава пятнадцатая. ПОБЕДА	216
Глава шестнадцатая. ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА	232
Примечания	242
Алфавитный указатель	246
Благодарности	254